

позволяет утверждать, что правка чернового текста, перенесенная на оборот листа, где помещены песни, была произведена ранее, чем запись песен; иными словами, песни были записаны на обратной стороне черновика сказки, а не наоборот.

Второй бесспорной временной границей является 1709 год — год смерти С. И. Пазухина. Однако можно почти с полной уверенностью утверждать, что запись была произведена гораздо раньше, а именно, около 1680 года и во всяком случае не позднее 1680-х годов. За это говорит, во-первых, начертание букв, характерное для XVII века, и сравнительный анализ почерков С. И. Пазухина,¹ а во-вторых — сам факт записи песен лирического содержания, который свидетельствует о сравнительно молодом возрасте Пазухина.

Данные архива позволяют сделать заключение, что в 1680 году ему было не менее 30 лет и что он был женат лишь третий год.

В эти годы Семен Иванович был в постоянных разъездах, и тема разлуки, которая является основной темой песен, могла, вполне естественно, его волновать.

То, что песни записаны на обороте черновика документа, составленного в 1680 году, тоже, конечно, очень существенно, и можно предполагать, что песни были записаны Семеном Ивановичем тогда же в Тальде или где-то в районе Тамбова и Козлова, где он находился вместе с князем Щербатовым.

Имена лиц, от которых записал (или у которых списал) Семен Иванович эти песни, в архиве не встречаются; вряд ли, следовательно, это были его соседи по поместью. Вероятно, это те служилые дворяне, с которыми он сталкивался по службе, и их имена можно отыскать в других архивах и родословных. Были ли они авторами этих песен, или их исполнителями, или просто любителями, записавшими песни от других, — все это вопросы, на которые можно ответить лишь предположительно. Одно нам кажется несомненным — эти песни сложились в среде служилого дворянства.

Подобно известным уже стихотворным опытам П. А. Квашнина-Самарина, публикуемые два стихотворения представляют собой старейшие образцы лирики, создававшейся на основе народных лирических песен, в противовес книжной силлабической поэзии. Написанные от лица девушки или женщины, эти стихотворные опыты сохраняют следы своих песенных образцов, например в характерном именно для песен зачине — „Д ой не плачьте...“, в повторяющемся в ряде смежных стихов начальном „а“, в повторном исполнении отдельных стихотворных строк. Но это уже не крестьянская лирическая песня: „милый“ должен ехать „со службы“, его задерживает „воевода“. В языке первого автора — чуждое народному языку слово „прельстила“.

То обстоятельство, что песни дошли до нас в составе большого архива, дающего замечательный по своей определенности исторический фон к этим поэтическим памятникам XVII века, является для исследователей-литературоведов редким и очень ценным фактом — ценным тем более, что такая ранняя фиксация поэтических произведений известна лишь в очень небольшом количестве.

¹ Буквенное обозначение цифр, если признать наше предположение правильным, тоже свидетельствует до некоторой степени о том, что запись произведена в XVII веке.